

Чжоу Цзюнь, терпя боль в руке, тихо сказал:

— Ты не в обиде?

В его голосе слышалась осторожность. Слова, которые он произносил, были как нож, пронзающий сердце, но на лице читалась полная невинность. Чжоу Цзюнь смотрел на Юн Цзиня, удивляясь его гневу:

— Ты ведь не думал, что никогда не женишься? Рано или поздно ты женишься, будь то политический брак или по другой причине... Я тоже.

Он говорил о реальности, разве это не было известно всем таким людям, как они? Почему же Юн Цзинь выглядел так, будто только что проснулся от сна, заставляя Чжоу Цзюня чувствовать себя совершившим жестокость. Он не верил, что Юн Цзинь не думал о будущем. Возможно, Юн Цзинь любил его — это было видно по тем карманным часам, которые он ему подарил. Но они оба, не говоря уже о вражде между Чжоу Янем и Юн Цзинем, были мужчинами.

Если семья Ян будет злиться на него из-за мисс Ян, то он — мужчина, а мисс Ян — женщина. В худшем случае скандал можно уладить свадьбой, обратив всё в благое дело. Но он и Юн Цзинь — это невозможно. Отношения между мужчинами, если вынести их на свет божий, — если это просто игра, все посмеются и назовут романтической историей. Но если это серьезно, с положением Юн Цзиня и его собственным статусом это станет полным посмешищем.

Тучи на небе словно давили в одну секунду, становясь тяжелыми и мрачными. В глазах Юн Цзиня погас свет, и в глазах Чжоу Цзюня тоже. Возможно, это было переменой в настроении, а может, небо действительно потемнело. Он думал, Юн Цзинь что-то скажет или сделает, чтобы наказать его. Это был инстинктивный ответ на боль — Юн Цзинь был ранен, и он это видел. Но он не считал, что сказал что-то не то; Юн Цзинь не должен был быть таким наивным.

В эту эпоху, где древность переплетается с современностью, а Восток с Западом, многое изменилось, но многое осталось прежним. Например, многоженство мужчин, но сейчас вошел в моду брак, и женившись на одной, нельзя жениться на второй. Законная жена может быть только одна, а держать на стороне стало обыденностью — кто сейчас не любит сразу нескольких? Юн Цзинь разве смотрит на него как на женщину и хочет, чтобы он принадлежал только ему? Как это возможно? Разве это не оскорбление?

Юн Цзинь отпустил его руку и отступил назад. Чжоу Цзюнь сделал вид, что ничего не замечает, и потянулся обнять его обратно, успокаивая, как раньше успокаивал женщин. Женщины всегда любят спрашивать: «Я твой самый любимый, на всю жизнь?» В такие моменты достаточно ответить «да», возможно, Юн Цзинь именно этого и хотел услышать. Он мог сказать ему это. Чжоу Цзюнь никогда не хотел огорчать тех, кто ему нравился.

Разве не так? Сейчас Юн Цзинь был просто немного расстроен, но сердце Чжоу Цзюня уже сжалось в комок. Он обнял Юн Цзиня за талию:

— Я ошибся, ты мне нравишься.

Юн Цзинь не двигался, позволяя себя обнимать:

— Это я ошибся.

Чжоу Цзюнь не вполне понял смысл этих слов, его правая рука скользила по жилету Юн

Цзиня, мягко похлопывая.

Юн Цзинь тихо спросил:

— Помнишь нашу первую встречу?

Чжоу Цзюнь заколебался:

— Ты имеешь в виду первый раз, когда мы переспали?

Юн Цзинь замолчал на мгновение:

— То, что я сказал в своей спальне, помнишь?

Чжоу Цзюнь не помнил. Единственное, что вспоминалось, это происходящее в постели. Тот сильный жар унес все воспоминания, оставив лишь обрывки, которые заставляли его просыпаться среди ночи.

Чжоу Цзюнь молчал. Юн Цзинь, конечно, знал, что он не помнит, и тихо вздохнул:

— Неважно, если не помнишь.

Эти слова заставили сердце Чжоу Цзюня екнуть. Он немного разозлился:

— Тот я и этот я — это одно и то же, какая разница?

Юн Цзинь оттолкнул его и закатал рукав. На его запястье были часы. Он посмотрел на время и сказал Чжоу Цзюню:

— Я пошел, у меня есть дела.

Юн Цзинь устраивает сцену — это была первая мысль Чжоу Цзюня. Вторая — что нельзя так просто дать ему уйти. В их отношениях он всегда был пассивен. Постоянно казалось, что он смотрит в спину Юн Цзиня, и это было неприятно. Но чем он мог удержать Юн Цзиня? Если он скажет ему стоять, он действительно встанет?

Он не раз просил Юн Цзиня не подходить к нему, но тот никогда не слушал. А если он попросит его остаться, послушает ли? Вопреки осторожности, в порыве дерзости он крикнул:

— Стой!

Он уставился на спину Юн Цзиня, по-детски думая: если этот человек уйдет, в следующий раз он больше не будет потакать его скверному характеру.

Если тот будет тайком пробираться в дом Чжоу, он даже не откроет окно и позовет собаку, которую воспитывает привратник дядя Сюй, чтобы та его укусила. Но это был порыв чувств. Он думал, что Юн Цзинь его не послушает. Поэтому он редко выдвигал требования — Юн Цзинь мог бы и не согласиться. Но Юн Цзинь остановился. Он не обернулся, но действительно ждал.

Чжоу Цзюнь удивился, а затем выдвинул еще более наглое требование:

— Куда ты спешишь? Подожди меня в машине, я провожу мисс Ян и приду к тебе.

Юн Цзинь повернул голову:

— Зачем тебе я?

Чжоу Цзюнь замер. Он и сам не знал, зачем ему нужен Юн Цзинь. Но реакция Юн Цзиня придала ему смелости, и он крикнул ему:

— Отвези меня домой, конечно, не к самому дому Чжоу.

Он подумал, что, наверное, сейчас Юн Цзинь развернется и уйдет. Требование звучало так, что даже самому ему было неприятно. Если бы кто-то так поступил с ним, Чжоу Цзюнь был бы зол долгое время. Он вернулся в кофейню, подождал немного, пока машина семьи Ян не прибыла с опозданием. После того как Чжоу Цзюнь посадил леди в машину, с мыслью, что, возможно, увидит, а может, и не увидит ту черную машину, он неспешно направился к месту, которое он в одностороннем порядке договорился с Юн Цзинем.

Он подошел к улице у того самого рекламного щита с сигаретами и увидел этого человека со сжатыми челюстями, с холодным, но в котором сквозил гнев, профилем.

Чжоу Цзюнь медленно улыбнулся.

Это была первая победа, и результат был приятен. Чжоу Цзюнь всегда не знал, где именно проходят границы Юн Цзиня, и теперь был еще менее уверен, понимая только, что диапазон, возможно, намного больше, чем он предполагал. Это было действительно неожиданно. Первоначальная доминантность Юн Цзиня и его настойчивость раз за разом. Он полагал, что сильный гнев Юн Цзиня — это лишь проявление скуки мужского собственничества, но сейчас, возможно, это было не так.

А Юн Цзинь, сидевший в машине, смотрел, как этот мужчина с сияющим лицом идет к нему, и в его глазах и на лице читалось нескрываемое торжество. Он знал, чему радуется Чжоу Цзюнь, и не хотел, чтобы тот был так счастлив. Если бы можно было, он бы предпочел видеть его плачущим. Плачущим до красноты, с обидой. Сначала он просто всерьез заинтересовался этим человеком, но, возможно, некоторые чувства не должны были накапливаться.

Как год назад после той ночи, он должен был сразу найти Чжоу Цзюня и оставить его у себя. А не так, как сейчас, когда, вспоминая его долгое время, некоторые эмоции незаметно росли и в итоге влияли на всё.

Юн Цзинь был человеком сдержанным, и до того, как почувствовал неконтролируемые эмоции, он всегда считал, что способен справиться. Любимое красное вино — если нет условий, не пьет. Любимый длинный кнут — если сломался, не использует. Человек, который пришелся по душе, — если не подходит, расстается.

Он думал, что Чжоу Цзюнь такой же. Его симпатия к нему была недостаточно сильна, чтобы повлиять на его решения. Но почему же, получив такое унижение, он все еще не уходит? Он снова перевел взгляд на Чжоу Цзюня. Солнце, неизвестно когда снова взошедшее, мягким светом падало на молодого господина Чжоу, словно золотое пальто.

Погода стала холодной, он подбежал, и пар от дыхания белым облаком окутывал его щеки, но не мог скрыть сияющие зрачки. Он смотрел на него, подходя, чтобы открыть дверь. Юн Цзинь вдруг опустил руку и опустил стекло. Он протянул руку наружу. Его перчатки все еще были засунуты в одежду молодого господина Чжоу, поэтому пальцы были голыми, а между ними он держал бумажные купюры, которые только что достал из одежды.

Шаг Чжоу Цзюня замедлился. Он как ребенок беспомощно смотрел на деньги, а затем

медленно перевел взгляд на лицо Юн Цзиня. В этот момент Юн Цзинь на мгновение потерял ясность мысли. Он хотел невзирая ни на что выбежать из машины, крепко прижать к себе этого ненавистного молодого господина, затащить его в машину, затворить в своей усадьбе и никогда больше не выпускать на солнце.

Эта мрачная мысль крутилась у него в голове. Он вспомнил о пепле, спрятанном в носовом платке, и о том, как Чжоу Цзюнь с легкостью различал каждую деталь его снаряжения. Чжоу Цзюнь не был тем, кем он мог владеть, и его чувства к нему легко выходили из-под контроля.

<http://bllate.org/book/16825/1547339>